
Владимир СПЕКТОР

* * *

Надежда утешает, но не лечит,
Неярко светит. Греет ли? Едва ли...
И если мрак укутывает плечи,
Надежда утешительна в подвале.

И безнадега там же вместе с нею,
А кто сильнее? Я не знаю тоже.
При равном счете кто из них ровнее?
И от кого из них мороз по коже...

* * *

Под вкрадчивое пение дождя
Слышнее то, что скрыто небесами.
Что происходит с нами, и не с нами,
И с миром, что клубится, уходя

В воронку вечности, где гул войны
Живое превращает в неживое...
Там небо, словно знамя полковое,
А песни, кажется, и вовсе не слышны...

* * *

Осенней аллеи сквозной небосвод...
Откуда? — Из детства. Куда? — В никуда.
Сквозь листья прошедшее время идет,
Сквозь память, где эхом дрожит: «До свиданья...»

Во встречных зрачках отражается шаг
Того, кто прошел по небесной листве.
Где дерево-друг, а где дерево-враг?
Сквозь шелест, теряясь, неясен отве...

Владимир Спектор родился в Луганске. Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы, изданных в Донецке, Луганске, Киеве, Москве. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени Юрия Долгорукого, имени Арсения Тарковского, имени Сергея Михалкова. Публиковался в журналах «Слово/Word», «Новый континент», «Новый берег», «Радуга», «Сетевая словесность», «Дети Ра», «Связь времен», «Зарубежные задворки», «Этажи», «Берега», «Чайка», «Золотое руно», «Камертон», «Литературная Канада», «Особняк», «Интер-Фокус», «Новый Гильгамеш», «Клаузура» и других. С 2015 года живет в Германии.

* * *

Памятников лишают памяти, как звезд — чести,
С виду и то, и другое как будто на месте,
Память отброшенной тенью лежит под ногами.
— Помнишь? — Не помню. — Но это же было! — Не с нами...

Памятник без головы — это время потери,
Время закрытых дверей. Время «верю–не верю».
Время испуга, секретов, наветов, запретов...
Эхо звучит. Но уже его песенка спета.

* * *

А честность снова не в чести,
Нет откровенней дурака.
И потому, дружок, прости,
Я не скажу тебе пока

О том, что думаю, о том,
Зачем не свете мгла и свет,
Сто лет назад, сейчас, потом...
Тем более ответов нет.

* * *

Говоришь, что правда у всех своя?
И чужая кровь — не в счет?
Но там чьи-то падают сыновья,
Где кровь течет и печет...

Завтра забудется злое вчера,
Где бесам в радость беда...
От жизни не вылечат доктора.
От смерти — лишь иногда.

* * *

Предательство всегда в прекрасной форме.
Ему оправдываться не пристало.
Полузабытый черт геноссе Борман
Простит и даст команду: «Все сначала».

И в жизни, как в недоброй оперетте,
Зловещие запляшут персонажи...
Вновь темнота видней на белом свете,
А свет опять заманчив и продажен.

* * *

Обидеть громко, тихо извиниться
И думать, что никто не замечает
Меж «А» и «Б» растоптанной границы,
Где «А» и «Б» — совсем не кофе с чаем.

Порядочность пространства — есть вопросы.
И где-то, очевидно, есть ответы.
Куда ни глянешь — всюду видишь осень.
И никого не удивляет это...

* * *

Оставим за скобками яркие краски,
Добавим дожди, вычтем зимнее время.
И что в результате? Опасно без маски.
Опасно быть с теми, и страшно — не с теми.

Зима на пороге. И в ритме Вивальди
Уходят одни, а другие смеются.
И время вмерзает под лед на асфальте,
Как вечная тень мировых революций.

* * *

И бабка, что курила «Беломор»,
И та, что рядом с нею восседала,
Покинули, покинули наш двор.
И на скамейке пусто стало.

И только девочка трех лет
Зовет беспечно: «Баба Сима!..»
Да белый свет. Да синий цвет,
Да желтый лист, летящий мимо.